

**ЗАМЕТКИ ПО ТЕКСТОЛОГИИ
«ПОВЕСТЕЙ О НИКОЛЕ ЗАРАЗСКОМ»**

(Отклик на концепцию Б. М. Клосса¹)

Труды Б. М. Клосса не могли не вызвать отклика у ученых-медиевистов. Много ли найдется работ, в которых предлагалось бы пересмотреть значительный период в истории литературы Древней Руси на таком широком круге памятников самой различной жанровой принадлежности? Впрочем, методы, используемые автором, открыли перед ним в этом смысле безграничные возможности.²

«Повесть о разорении Рязани Батыем» в течение долгого времени была главным предметом моего научного интереса. В связи с этим литературным памятником в последнее время не появлялось работ, в которых бы предпринимались новые текстологические изыскания. Поэтому с особым интересом я обратилась к исследованию московского ученого. Оно состоит из двух частей: § 1—4 раздела, посвященного Повестям о Николе Заразском, содержат «текстологию списков», в § 5 предпринята попытка доказать, что источником литературного памятника был Московский летописный свод 1479 г. Временем создания «Повести о разорении Рязани Батыем» Б. М. Клосс считает 1560-е гг.

Напомним, что редакции памятника были выделены еще Д. С. Лихачевым,³ который на основе изучения известных ему списков определил, что произведение существует в трех основных разновидностях (А, Б 1-го и 2-го видов) и вторичных по отношению к этим редакциям Хронографической, двух видах редакции Сказа-

¹ См.: *Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах.* М., 2001. С. 411—456.

² См. развернутые научные рецензии: *Кучкин В. А. Антиклоссицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* М., 2002. № 2. С. 113—123; № 3. С. 112—129; № 4. С. 98—113; 2003. № 1. С. 112—118; № 2. С. 127—133; № 3. С. 112—130; № 4. С. 100—122; *Бобров А. Г., Прохоров Г. М., Семячко С. А. Имитация науки // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 418—446.*

³ *Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 257—281.* В 1947 г. им был опубликован в качестве статьи набросок большой работы В. Л. Комаровича, погибшего в Ленинграде в 1941 г., где впервые были указаны 5 редакций памятника: *Комарович В. Л. К литературной истории Повести о Николе Заразском // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 57—72.*

ния, двух видах Воинской, Распространенной, Риторической и Стрелецкой. Он выделил также Краткую хронографическую редакцию, в основу которой было положено произведение, часто сопровождающее «Повесть о разорении Рязани Батыем» в рукописной традиции, — «Сказание о перенесении Николина образа из Корсуна в Рязань» и летописный рассказ о взятии Рязани; Проложную редакцию и редакцию Святцев, которые также восходят к «Сказанию о перенесении Николина образа», а Церковная редакция переработала текст Сказания и рассказ о «Коломенском чуде» для чтения в Зарайском Никольском соборе 28 июля у всенощной. Обнаружение новых списков и двух новых редакций — Особой и Дополненной,⁴ определение Стрелецкой редакции как созданной во Пскове в 1606—1609 гг.⁵ дополняли и уточняли бесспорную схему текстологических взаимоотношений существующих редакций.

В изучении Повести давно уже сложились две основные тенденции. Первой из них придерживаются ученые, которые принимают во внимание рукописную традицию, включавшую «Повесть о разорении Рязани Батыем» в состав Заразского цикла. В этот цикл входят: «Сказание о перенесении Николина образа из Корсуна в Рязань» (о событии, отнесенном к 1225 г.); сама Повесть; «Коломенское чудо» (о событиях 1521 и 1531 гг.) и «Род поповский» (дovedен до 1561—1615 гг.). Достаточно редко Заразский цикл встречается в рукописях целиком, чаще всего соединены отдельные его составляющие: Сказание + Повесть, либо Сказание + Повесть + «Род поповский», либо Сказание + «Коломенское чудо» + «Род поповский»; другие сочетания наблюдаются значительно реже. Однако большинство исследователей подчеркивает вслед за Д. С. Лихачевым «разнотипность, разновременность и неравноценность»⁶ составляющих цикл произведений. Основное внимание при этом, естественно, уделяется одному из наиболее совершенных произведений литературы Древней Руси — «Повести о разорении Рязани Батыем». Аспекты анализа памятника (или его отдельных эпизодов) весьма разнообразны: связи Повести с традициями воинского повествования и с фольклором;⁷ анализ принципов художественной ор-

⁴ См.: *Лобакова И. А.* «Повесть о разорении Рязани Батыем» в новых редакциях XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 379—389.

⁵ См.: *Евсеева-Лобакова И. А.* «Стрелецкая» (Псковская) редакция «Повести о разорении Рязани Батыем»: К вопросу о времени и принципах переработки текста источника // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 370—377.

⁶ *Лихачев Д. С.* Повести о Николе Заразском. С. 258.

⁷ См.: *Орлов А. С.* 1) Древняя русская литература XI—XVI в. М.; Л., 1939. С. 141; 2) Героические темы древней русской литературы. М.; Л., 1945. С. 110; *Тонков В. А.* Воинские повести XI—XIII веков и фольклор // Известия Воронежского госпединститута. Воронеж, 1940. Т. 7, вып. 2. С. 50—63; *Скрытьев М. О.* История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 99; *Адрианова-Перетц В. П.* Историческая литература XI—XV вв. и народная поэзия // ТОДРЛ. М.; Л., 1950. Т. 8. С. 95—138; *Путилов Б. Н.* Песня о Евпатии Коловрате // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 118—139; *Дмитриев Л. А.* Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237—конец XIII века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 121—123.

ганизации текста и его стилистических особенностей.⁸ Как правило, этой тенденции придерживаются ученые-филологи. Единства в датировке ими памятника нет: от 1270-х гг. до нач. XV в. Однако все, кто занимался изучением этого произведения, отмечали архаичность многих его образов и стилистических приемов. Время создания Заразского цикла в целом определяется более точно — 1530—1560-е гг. В 1985 г. вышла статья Анджея Поппэ, в которой был приведен ряд доказательств позднего происхождения *культы* Николы Заразского (появление его связывается с 1530-ми гг.) и оформления самого литературного цикла.⁹ К этому историческому периоду А. Поппэ отнес возникновение «Сказания о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань». Вопрос о времени создания «Повести о разорении Рязани Батыем» подробно не рассматривался. Со своей стороны добавим, что следует принять во внимание существование в иконографии конца XIV—перв. пол. XV в. иконописного типа, получившего у искусствоведов название «Николы Заразского». Нельзя отрицать возможности более раннего бытования *культы* Николы Корсунского, сформировавшего данный иконописный тип, который в 30-х гг. XVI в. был поглощен новым культом — Николы Заразского.

Вторая тенденция в изучении Заразского цикла связана с именами историков. Их работы появились после статьи А. Поппэ. Не вполне доверяя данным филологических разысканий и не принимая во внимание выводов искусствоведов, из работы польского ученого эти историки почерпнули тезис о XVI в. как о времени создания Заразского цикла и распространили его на все входящие в этот цикл произведения. В качестве основных аргументов ими приводятся два: 1) Повесть известна в списках не ранее этого времени; 2) ряд сведений, имеющих в Повести, не совпадает с данными летописных источников.

Первое из утверждений вряд ли стоит рассматривать в качестве аргумента, так как большая часть произведений литературы домонгольского периода (как оригинальной, так и переводной) читается в списках XV—XVI вв.: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона; «История Иудейской войны» Иосифа Флавия; Хроника Георгия Синкелла; «Слово на Лазарево воскресение»; Летописец Переяславля-Суздальского; «Христианская топография» Козьмы

⁸ Лихачев Д. С. 1) Повести о Николе Заразском. С. 273; 2) Великое наследие. Классические произведения Древней Руси. М., 1975. С. 234—235; Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968. С. 141—146; Дмитриев Л. А. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XVI вв. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 290—292; Лобакова (Евсеева) И. А. 1) Анализ формульного стиля «Повести о разорении Рязани Батыем» // Рукописная традиция XVI—XIX веков на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 120—126; 2) Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 36—53; Демкова Н. С. Летописная агиографическая повесть о смерти князя как жанровая модель средневекового повествования // Чтения по истории и культуре древней и новой России. Ярославль, 1998. С. 53—57.

⁹ См.: Поппэ А. К начальной истории *культы* св. Николы Заразского // Essays in Honor of A. A. Zimin / Ed. by D. Waugh. Columbus, 1985. P. 289—304.

Индикоплова; Галицко-Волынская летопись; «Слово о погибели Русской земли» и мн. др.

Проблема соотношения сведений, содержащихся в Повести, с летописными источниками имеет свою историю. Рязанское летописание не сохранилось. Поэтому нам известна лишь та часть исторических сведений о Рязани, которая попала в новгородские или владими́ро-суздальские своды. В. Л. Комарович, обратившись к тексту Новгородской 1 летописи по Синодальному списку,¹⁰ высказал гипотезу о том, что она «сохранила остатки рязанского свода князя Ингваря Ингоревича».¹¹ Д. С. Лихачев доказал рязанское происхождение двух рассказов, читающихся в Новгородской 1 летописи: повествования об убийстве Глебом Рязанским своих братьев под 1218 г. и описания разгрома Рязани под 1238 г. Ученым сделан вывод о том, что в основе известий Новгородской 1 летописи по Синодальному списку о событиях Батыева нашествия и «Повести о разорении Рязани Батыем» лежит общий источник — рассказ не дошедшей до нас Рязанской летописи, который создателем новгородского свода был значительно сокращен, а автором Повести расширен.¹² Специальной темой рязанское летописание стало в исследовании А. Г. Кузьмина,¹³ который большую часть сведений о Муроме и Рязани связывал с рязанскими источниками, не всегда приводя исчерпывающие доказательства подобной зависимости. Исследования А. Ю. Бородихина не были посвящены непосредственно «Повести о разорении Рязани Батыем». Он предпринял анализ всех летописных сведений о монголо-татарском нашествии как особого цикла в составе летописных и летописно-хронографических сводов.¹⁴ К сожалению, его работы не были учтены А. О. Амелькиным и Б. М. Клоссом.

Собственно, именно А. О. Амелькин первым попытался интерпретировать «Повесть о разорении Рязани Батыем» как памятник 1530—1560-х гг. Он рассматривал Повесть, *литературный памятник*, который «не является документальным описанием борьбы рязанцев с вторгшимся в пределы княжества врагом»¹⁵ (как, например,

¹⁰ Опубликована А. Н. Насоновым. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

¹¹ Комарович В. Л. Рязанский летописный свод XIII века // История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 76.

¹² См.: Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 48—52.

¹³ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

¹⁴ См.: Бородихин А. Ю. 1) Хронографическая редакция Цикла повестей о нашествии Батя и летописные своды конца XV в. // Материалы XXIV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. Новосибирск, 1986. С. 37—44; 2) Хронографы и исторические сборники XV—XVII вв. и компилятивная редакция цикла повестей о нашествии Батя // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 98—125; 3) Цикл повестей о нашествии Батя в летописных и летописно-хронографических сводах XIV—XVII вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1989.

¹⁵ Дмитриев Л. А. Литература первых лет монголо-татарского ига... С. 117.

и «Слово о полку Игореве» не является документом о событиях 1185 г.), прежде всего как исторический источник. Отметив все уже указанные предшественниками исторические несоответствия в тексте произведения, историк отнес к ним не только сведения, противоречащие летописным, но и те, упоминания о которых в летописях просто не содержится: о гибели в Рязани матери рязанского князя и всех княгинь, о пожаре в Успенском соборе и др. Никаких текстологических доказательств в известных мне работах А. О. Амелькина¹⁶ нет. Рассуждения его строятся, как правило, следующим образом: «...судя по тому, что события, о которых в них говорится, достаточно искажены, создатель Повести просто вспоминал о прочитанном, но не имел перед собой самих текстов. Так, очевидно, Роман Ингорович Коломенский назван Глебом по ассоциации с Всеволодом Глебовичем <...> В качестве пронского князя в Повести упоминается, возможно, все тот же Всеволод Глебович».¹⁷ Вопрос о том, каким образом князь Всеволод Глебович в рамках одного текста ассоциировался в сознании автора одновременно с двумя героями — коломенским и пронским князьями, вероятно, не показался А. О. Амелькину заслуживающим внимания. Впрочем, достаточно оригинальны взгляды историка и на проблему литературного заимствования: «В большинстве случаев эти текстуальные заимствования не вызывают сомнений. Но кто у кого заимствовал? Если предположить, что к заимствованиям из Повести о разорении Рязани Батыем прибегали авторы Повести о нашествии Тохтамыша, Слова о житии и преставлении князя Дмитрия Ивановича, „Задонщины“, то создается странная ситуация: каждый из авторов, пользовавшийся, по мнению Д. С. Лихачева, этим произведением, обращался не ко всему тексту, а лишь к отдельной его части. Причем каждый древнерусский книжник использовал новый отрывок, отличный от того, который брал составитель другого произведения».¹⁸ Но как раз именно так обычно и происходило. Более того, как правило, источник заимствования был не один. Нужно признать, было бы довольно забавно увидеть результат заимствования «всего текста» Повести (как и любого другого памятника) «Задонщиной» или Повестью о нашествии Тохтамыша.

В работе историка есть еще одно досадное упущение: он оказывается в высшей степени неточным, когда пытается сделать какие-либо обобщения о существовавшей рукописной традиции. Так, пытаясь определить время создания «Повести о разорении Рязани Батыем» «по ее положению в составе Основных редакций Николо-За-

¹⁶ См.: Амелькин А. О. 1) Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV—первой половины XVI в. (По материалам агнографических сказаний и памятников фольклора): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992; 2) Когда «родился» Евпатий Коловрат // Родина. 1997. № 3—4. С. 48—52; 3) О времени создания и литературной истории цикла Повестей о Николле Зараском // Зарайские мученики — князь Феодор, княгиня Евпрахия и их сын Иоанн: Научно-богословская конференция. Зарайск, 1998. С. 73—100.

¹⁷ Амелькин А. О. О времени создания и литературной истории... С. 87.

¹⁸ Там же. С. 85—86.

разского цикла», А. О. Амеликин утверждает, например, что в редакции основной Б 2-го вида к «Сказанию о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» примыкает «Род поповский», за которым следует «Повесть о разорении Рязани Батыем». Это утверждение, к сожалению, является ошибочным: в рукописях текст «Повести о разорении Рязани Батыем» в редакции Б 2-го вида может встречаться вообще без «Рода поповского» (РНБ, F.1.286, 20-е гг. XVII в.; ГИМ, собр. Уварова, № 1823, сер. XVII в.; РНБ, собр. Титова, № 1144, нач. XVIII в., например). Представляется, что сама возможность произведений «кочевать» внутри Зараского цикла прежде всего свидетельствует о том, что он не был создан единовременно (более того, в ряде рукописей XVII в. цикл оказывается расширен легендарной Повестью об убиении Батыя).¹⁹ Вполне возможно, что за «Сказанием о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» изначально следовал краткий перечень служителей, который дополнялся с течением времени (отсюда — незначительные разночтения внутри него и возможность различных датировок). Доказательств в пользу одновременности написания всех составляющих цикл произведений в работах А. О. Амеликина нет.

Таким образом, у Б. М. Клосса был предшественник, ссылок на которого мы не найдем. Однако следует признать, А. О. Амеликину не приходится особо обижаться: так, он очень близко к тексту пересказал мои выводы о редакциях Повести XVII в., включив их в свой текст без каких-либо замечаний об авторе наблюдений.²⁰

Итак, что же нового внес Б. М. Клосс в изучение истории текста «Повести о разорении Рязани Батыем»?

Поскольку раздел, посвященный памятникам Зараского цикла, состоит из 5 параграфов, то рассмотрим приводимые им материалы в предложенной автором последовательности.

«§ 1. История изучения Повести о Николе Зараском».²¹ Для начала Б. М. Клосс, не утруждая себя какими бы то ни было доказательствами, объединяет два разных по жанру (по крайней мере так считали *все* исследователи до него) произведения — «Сказание о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» — в одно.²² В результате такого объединения все черты в тексте Сказания, свидетельствующие о его связи с литературной традицией XV—XVI вв.: упоминание под 6730 г. князя Александра Ярославича Невского (который в то время еще не

¹⁹ См.: ред. А — РГБ, Румянц. собр., № 378 (Сказание + Повесть + легендарная повесть + «Род поповский»); БАН, 16.15.8 (Сказание + Повесть, последние листы которой утрачены + легендарная повесть + «Род поповский»); БАН, 16.17.21 (Сказание + Повесть + легендарная повесть); ГИМ, Синод. собр., № 409 (Повесть + легендарная повесть); ред. Б 1-го вида — ГИМ, собр. Уварова, № 1876 (Сказание + Повесть + «Род поповский» + легендарная повесть); РНБ, собр. Погодина, № 1574 (Повесть + «Род поповский» + легендарная повесть); ред. Б 2-го вида — РНБ, Q.1.398 (Сказание + Повесть + легендарная повесть).

²⁰ См.: Амеликин А. О. О времени создания и литературной истории... С. 93—95.

²¹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 411.

²² См.: Там же. С. 411—413.

был Невским); церкви апостола Иакова как места крещения Владимира (сведения из Жития князя Владимира); привнесение «исторических» уточнений, оформленных как летописные свидетельства («в третье лето по Калкском побоище, тогда убито много князей русских...»), подробный рассказ о крещении Владимира и о поразившей его слепоте, рассказ о явлении Николы Федору, о предсказании святителя, известие о женитьбе князя, краткий рассказ о сбывшемся пророчестве), автоматически переносятся на «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Очень кратко и избирательно коснувшись истории изучения памятника (названы лишь В. Л. Комарович, Д. С. Лихачев, А. Поппэ и И. А. Евсева-Лобакова), Б. М. Клосс посетовал на недостатки «в состоянии археографической разработки вопроса»²³ и предложил составить «*текстологию списков*». Поскольку уже сделанное его предшественниками исследование по выявлению редакций памятника велось на основе текстологического изучения всех известных на то время списков, то призыв к новому возвращению к первому этапу текстологической работы не вполне понятен. Но далее автор поясняет специфику своей «текстологии»: «обоснование текстологической стеммы можно будет получить *только после выявления летописного источника* (выделено мною. — И. Л.) Повести о Николе Заразском. Предлагаем уточненную классификацию списков Повести о Николе Заразском с учетом вновь открытых и известных ранее рукописей (в основу текстологии положено сопоставление с летописным текстом, лежащим в основе Повести)».²⁴ Возможно, именно в этой формулировке задачи своей работы Б. М. Клосс выразил свой основной исследовательский принцип: для него редакция текста тем древнее, чем ближе она к летописному источнику, точнее, к тому, что он считает источником. Все, что противоречит этой идее, им принципиально не учитывается.

Попытаемся установить, к чему реально привела «текстология списков по Клоссу» и действительно ли названный им летописный текст был источником Повести.

Параграфы 2, 3 и 4 посвящены «текстологии списков», напомним, двух различных по жанру произведений Заразского цикла — Сказания о перенесении иконы и Повести о разорении Рязани, рассматриваемых автором как единый текст. В § 2 дается археографический обзор списков редакции А основной. Волоколамский список²⁵ Повести 70-х гг. XVI в. Б. М. Клосс рассматривает как первоначальный вид редакции, связывая его с именем Леониды Протасьева, игумена Иосифо-Волоколамского монастыря, ставшего в 1573 г. рязанским епископом. Исследователь предлагает считать, что рукопись была написана по поручению рязанского владыки из-за сходства состава этого сборника с тем, который действительно принадлежал епископу (РГБ, Волоколамск. собр., № 566). Это сходство вы-

²³ Там же. С. 415.

²⁴ Там же. С. 416.

²⁵ РГБ, ф. 113 (Волоколамск. собр.), № 523.

зывает серьезные сомнения: не вполне ясно, каким образом «соответствии» одного Поучения Иоанна Златоуста в первом из них другому Поучению Иоанна Златоуста «к попом» во втором или Поучение святого Василия в одном — двум другим его поучениям во втором²⁶ может доказывать их принадлежность одному историческому лицу.

Далее следует группа списков, выделенная Б. М. Клоссом в Промежуточный вид. Обоснование такого объединения списков предельно лаконично: «Евстафий пребывает не в Кесь, а в Ригу (т. е. речь идет о «Сказании о перенесении Николина образа». — *И. Л.*), и др.».²⁷ Это «др.» показалось мне не очень вразумительным аргументом, а после обращения к указанным спискам убеждаешься, что это самое «др.» может быть исключительно разной по объему величиной. Дело в том, что в двух указанных списках (БАН, 34.8.25 и РНБ, собр. Погодина, № 1606) читаются тексты Воинской редакции Повести о разорении Рязани, согласно классификации Д. С. Лихачева,²⁸ которая имеет ряд отличий от своего источника — редакции А основной (распространены за счет фольклорных средств описания битв и плачей; слегка сокращено основное повествование). Более того, эти списки не содержат никаких других произведений Заразского цикла. Тем не менее к этому же виду Б. М. Клоссом отнесена рукопись (ГИМ, Воскресенск. собр., № 211), в которой есть только «Сказание о перенесении Николина образа» и «Коломенское чудо». В следующую из перечисленных в этой группе рукопись (РНБ, ОЛДП. Q.235) составителем была включена только «Повесть о разорении Рязани Батьем» в редакции А основной, в рукописи же из коллекции ГИМ (собр. Забелина, № 261) Сказание о перенесении иконы Николы читается в редакции Святцев (это менее двух рукописных листов), а Повесть о разорении Рязани — в редакции А основной. Таким образом, многозначительное «др.» — величина серьезная, когда Б. М. Клосс пишет о списках, представляющих тексты Воинской редакции (ибо это тексты разных редакций памятника); очень незначительная, когда речь идет о списках редакции А основной (расхождения на уровне отдельных словосочетаний), и наконец, просто нулевая, когда приводится список из Воскресенского собрания, где Повести нет вовсе. Вопрос, как в одной группе оказались списки разных редакций памятника, Б. М. Клоссом рассмотрен не был.

Но далее создатель «текстологии списков» выделяет новую редакцию произведения — редакцию «иерея Петра». Поводом для выявления ее стало следующее: «(Выпущен эпизод с Апоницей и др.) Отредактирован Родословный перечень служителей церкви Николы Заразского: первоначальный перечень, составленный в 1560 г. и кончавшийся Иваном Вислоухом (см. редакцию Б 1), дополнен име-

²⁶ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 418.

²⁷ Там же. С. 419.

²⁸ См.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском. С. 275—276. В своих работах я рассматривала Воинскую редакцию как особый вид редакции А.

нем сына Вислоуха иерея Петра, хотя данные о 335-летнем служении корсунских попов остались неизменными».²⁹ В конце концов к читателю приходит понимание, что пресловутое «др.» — не более чем риторическая фигура. Но каким образом из добавления к последней части Заразского цикла — «Роду поповскому» — еще одного имени можно делать вывод о новой редакции всего цикла? Почему перечень, который был составлен в 1560 г. (для чего нужно, как пишет автор, смотреть ред. Б 1), должен прояснить взаимоотношения внутри списков редакции основной А, из которых *ни один* из упомянутых Б. М. Клоссом в предыдущем разделе вообще не имеет «Рода поповского» (а значит, и дополнений к упоминанию об отце этого самого Петра)? Впрочем, и в выделенной группе списков отсутствие «Рода поповского» (вместе с иереем Петром) в списке БАН, 16.17.21 не смущает автора. А то, что в двух указанных рукописях (БАН, 16.15.8 и РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 378) «Род поповский» (уже вместе с иереем Петром) читается после легендарной Повести об убиении Батыя, т. е. за рамками привычного Заразского цикла, также никак не комментируется. Мне в свою очередь хотелось бы подчеркнуть, что текст «Повести о разорении Рязани Батыем» в списках выявленной Б. М. Клоссом редакции относится к редакции А основной и никаких признаков редакции не имеет. Кстати, Д. С. Лихачев три списка из тех, что, по мнению Б. М. Клосса, образуют новую редакцию: РНБ, собр. Погодина, № 1570, РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 378 и БАН, 16.15.8, подвел в качестве различий при издании текста редакции А.³⁰

Следующей группой списков в разделе, посвященном редакции А, стала группа, обозначенная Б. М. Клоссом как Хронографическая редакция. И если само обозначение перечисленных списков как фиксирующих текст Хронографической редакции предметом спора быть не может (так оно и есть), то понять, как списки одной редакции могут рассматриваться в качестве списков другой, мне оказалось не по силам. Б. М. Клосс связывает ее происхождение с «редакцией иерея Петра».³¹ Далее следует ссылка на мою статью, в которой я, среди прочего, доказывала связь архетипного текста Хронографической редакции с тем, что лежал в основе списков, подведенных в качестве различий Д. С. Лихачевым при издании редакции А основной, — Погодинского, Румянцевского и Академического.³² Приняв этот вывод, историк перенес его на несуществующую редакцию («иерея Петра»), отметив, что, «используя не показательные признаки (пропуски из-за гаплогрaфии) или просто допуская ошибки (как, например, в случае с Чертковским списком), исследовательница пришла к неверным выводам о соотношении

²⁹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 421.

³⁰ См.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском. С. 282—302.

³¹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 422.

³² См.: Лобакова (Евсеева) И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в Хронографической редакции XVI в. // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 156—171.

списков Хронографической редакции».³³ Исследовательница готова отстаивать свои выводы: дело в том, что хотя различий между списками Хронографической редакции очень немного, но некоторые из них нельзя назвать не показательными. Два списка в составе Русского временника³⁴ имеют общую дублировку, содержащуюся и в их источнике (редакции А основной), в двух же других списках³⁵ такой дублировки нет. Первые два списка имеют общий пропуск в тексте, которого нет в редакции А, а два других этого пропуска не содержат. Потому два первых списка выделяются в одну группу, два других — во вторую. Крайне затруднительно предложить другую систему взаимоотношений между ними. Относительно Чертковского списка Б. М. Клосс также не привел никаких текстологических доказательств, а потому невозможно принять или оспорить его утверждение. Надеюсь найти такие доказательства «о правильной текстологии списков Хронографической редакции» в указанной им работе, я обратилась к ней. Поскольку любое обоснование текстологических взаимосвязей требует сопоставления анализируемых текстов, я надеялась обнаружить все это в статье Б. М. Клосса. К сожалению, там не оказалось никаких доказательств или каких-либо пояснений: на указанной странице просто нарисована очередная схема соотношения списков без единой сопоставительной текстологической выкладки.³⁶ Потому не оказалось оснований для научной дискуссии.

Предложенная Б. М. Клоссом в конце параграфа стемма взаимоотношения «списков и видов редакции А»,³⁷ в которой в качестве некоего единства необходимо рассматривать величины, обладающие различными характеристиками, также не представляется вполне убедительной.

§ 3 посвящен, как явствует из названия, редакции Б 1-го вида. В перечне списков, отнесенных к заявленной редакции, указан один (ГИМ, собр. Черткова, № 313, кон. XVII в.), который был определен Д. С. Лихачевым как единственный список Распространенной редакции.³⁸ Ученый также кратко указал на ряд характерных ее особенностей. Б. М. Клосс, отнеся список Распространенной редакции к редакции Б 1-го вида, заметил лишь: «Текст восходит к списку Арх., К. 51 (имеется в виду рукопись БАН, Архангельск. собр., К. 51. — *И. Л.*), но переработан и дополнен по Проложной редакции».³⁹ Каждое из утверждений в этом предложении не соответствует истине. Текст не просто восходит к списку редакции Б 1-го вида, но является серьезной переработкой текста источника. Основные

³³ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 459—460.

³⁴ РНБ, F.IV.244 и РГАДА, ф. 201 (собр. Оболенского), № 46.

³⁵ ГИМ, собр. Черткова, 115 б и Архив СПбИИ, колл. Лихачева, оп. 1, № 513.

³⁶ См.: Клосс Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV—XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3, ч. 2. С. 295.

³⁷ См.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 423.

³⁸ См.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском. С. 276.

³⁹ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 425.

принципы этой переработки уже были рассмотрены мною в специальном исследовании.⁴⁰ Никаких дополнений по тексту Проложной редакции в «Повести о разорении Рязани Батыем» обнаружить невозможно, поскольку указанная редакция является очень кратким пересказом текста Сказания о перенесении иконы. Приведу лишь два примера, на основании которых читатель сам решит, можно ли рассматривать тексты как разные списки внутри одного вида редакции или необходимо подходить к ним как к разным редакциям произведения:

Ред. Б 1-го вида⁴¹

И Олга Ингоревича яша еле жива. Царь Баты, веде Олга велми красна и храбра и хотя его изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингоревич укори царя Батыя и нарече его безбожна и врага крестьянска. Окаянный же Батый дохну огнем от мерскаго сердца своего и повеле Олга ножи на части разлабити. Сий бо есть мученик Христов, приа венец своего исповедания и мучения со сродником своим блаженным князем Феодором Юрьевичем, и прияша венца нетленная от всемилостиваго Бога (С. 312—313).

Распространенная ред.⁴²

Ольга же Ингоревича, *рекомаго Краснаго*,⁴³ *сего безбожнии жива яша и к мерскому отступнику приведоша*. Царь же возрев нань, и виде красоту лица его *съжалився зело*, и повеле его от ран врачевати, и к лести своей обратити. Князь *же горяше духом по вере Христове*, укори царя, и *поносив ему много мерским отступником*, и богопротивником его нарече. Царь же, слышав сие, дохнув огнем ярости своея, и повеле праведнаго нажи раздробити на уды. *Раздробляему же ему бышу глаголаше сия: «Терплю Христа моего ради, укрепляющаго мя в муках сих»*. И тако предаде дух свой в руке Господеви. Сей бо есть мученик и исповедник, равно предстоит Христови сродником своим князем Феодором Юрьевичем, и мучения венцы прияша от рук его. И ныне в вечных благих со аггелы водворяются, воспевающе святую Троицу (С. 402—403).

...взят бысть град Рязань месяца декабря в 21 день. И пожегоша весь град, и княгиню великую со снохами и с прочими княгинями во церкви соборной мечи изсекоша, *и ерея и черноризцов до останка изсекоша, и все узорчье нарочитое — богатство черниговское и киевское поимаша*. И храмы Божия разориша, и во святых алтарех многи крови проляша, и инех мнозих в воде потопиша, и ини мнози в полон поведении быша. И не оста в живых ни един во граде: *вси равно умроша и*

...и взяша град той и вся сущия люди в нем исьсекоша. Княгиню же и с снохами ея в соборной церкви мечи избодоша, *монастыри же и церкви пограбиша и до основания разориша*, и град той огнем пожгоша месяца декемврия 21 день. И во святых олтарех многи крови проляша, и священци всех мечем избьшиша. И не бе видети человека в живых града того, *но вси единодушно за веру Христову и за святых церкви его пострадаша, и равно вси смертную чашу испиша* (С. 403).

⁴⁰ См.: Лобакова И. А. Воинское повествование и агиографическая традиция в литературе XVII в.: (на материале Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем») // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 297—303.

⁴¹ Текст редакции Б 1-го вида приводится по списку 1580-х гг., опубликованному Д. С. Лихачевым. См.: Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском. С. 302—322.

⁴² Текст Распространенной редакции цитируется по опубликованному Д. С. Лихачевым списку. См.: Там же. С. 398—405.

⁴³ Курсивом здесь обозначены несовпадения между редакцией Б основной и Распространенной редакцией.

*едину чашу смертнѹю пиша. Нестъ убо
стѹюща — ни отцу, ни матери о чадах,
ни чадом о отцех и о матерех, ни брату о
брате, ни ближнему роду, но вси вкупе
мертви лежаша. Ся вся наведе Бог грех
ради наших* (С. 313).

Эти два текста, по мнению Б. М. Клосса, принадлежат к одной группе списков одной редакции. Тогда не совсем понятно, что служит для него критерием для выделения редакции. Почему допустимые различия внутри одной редакции Повести с добавлением — в другом памятнике Зараского цикла — единственного имени к перечню рода священнослужителей ведет к появлению новой редакции всех входящих в цикл произведений, а целенаправленное изменение всего текста памятника редактурой не считается? Создается впечатление, что Б. М. Клосса не слишком сильно интересует система действительных взаимоотношений всех списков Повести, он просто пытается дать «текстологическое» обоснование своей концепции.

Этот неутешительный вывод подкрепляется двумя «новыми» редакциями в рамках редакции Б основной 1-го вида: «редакции 1613 г. иерея Симеона»⁴⁴ и «редакции протопопа Никиты».⁴⁵ Привычная схема рассуждений Б. М. Клосса: «Род поповский» «продолжен именами», указано новое количество лет «непременной» службы священников рода Евстафия, перенесшего в 1225 г. икону из Корсуня, — и существование новой редакции всего цикла даже не обсуждается. О принципах редактирования Сказания или Повести ничего не говорится (поскольку его и не было), что не мешает создателю новой текстологии объединить в одну группу разные произведения: так, в «редакции иерея Симеона», с точки зрения автора концепции, единство образуют: Сказание с Повестью и «Родом поповским» в списке ГИМ (собр. Уварова, № 129, в четверку) — со Сказанием в Архангельском списке (БАН, Архангельск. собр., № 365); с фрагментом Повести о разорении Рязани (8 л., РНБ, собр. Титова, № 3764); с полным текстом Сказания и фрагментом Повести (ГИМ, собр. Барсова, № 1521), ни в одном из которых нет «Рода поповского» (с иереем Симеоном или без него). «Редакция протопопа Никиты» относится к тому же разряду фантомов, что и все остальные, предложенные Б. М. Клоссом.

В § 4 Б. М. Клосс рассматривает списки, отнесенные им к редакции Б 2-го вида. Среди списков, действительно представляющих текст этой редакции, с огорчением обнаруживаем список, в котором читается текст другой редакции памятника. Имеется в виду Плюшкинский список⁴⁶ — единственный список редакции, названной

⁴⁴ См.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 426—427.

⁴⁵ Там же. С. 427.

⁴⁶ БАН, собр. Плюшкина, № 165 (прежний шифр: БАН, 38.4.40).

Д. С. Лихачевым Стрелецкой.⁴⁷ Кратко излагая взгляды предшественников на эту редакцию, автор «Избранных трудов», казалось бы, соглашается с тем, что им указан шифр не еще одного списка редакции Б 2-го вида, а новой редакции: «Отмеченные выше слова памятника „Списано у стрелецкого головы у Никиты Леонтиева сына Анненкова, у резанца, восьмая тысяща 141 году марта 2“ — в любом случае следует расценивать как признак редактирования...».⁴⁸ Однако это ничуть не помешало Б. М. Клоссу поместить список отдельной редакции произведения в схему взаимоотношения «списков редакции Б 2».⁴⁹ Соглашаясь с моими выводами о том, что редакция является по своему происхождению псковской,⁵⁰ и повторив мои наблюдения над составом сборника, Б. М. Клосс считает, что слово «списано» безусловно указывает на проведенное редактирование. Но слово «списано» может обозначать и «скопировано», а поскольку никаких других доказательств того, что редакция была создана в 1633 г., не содержится, в то время, как иная точка зрения (1606—1609 гг.) основана на привлечении большого исторического материала, то позволим себе не принять и этого его утверждения.

Итак, Б. М. Клоссом была продекларирована необходимость вернуться к текстологии всех известных списков Повести. Эта задача автором не выполнена. В его археографическое описание и схемы не попали следующие списки: РНБ, Q.XVII.209; РГБ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 712; РГБ, ф. 178 (Музейн. собр.), № 8468; ГИМ, Музейск. собр., № 2323 — все они содержат Пространный вид редакции Сказания «Повести о разорении Рязани Батыем»; РНБ, собр. Погодина, № 1936 — Краткий вид этой же редакции; ГАТО, ф. 1409, № 916 — Тверская редакция; РГБ, собр. Никифорова, № 501 — Риторическая редакция Повести. Шифры этих рукописей в обзоре Б. М. Клосса отсутствуют, но в этом нет упрека! Могу утверждать, что их отсутствие даже радует: «текстология списков по Клоссу» слишком сильно напоминает прокрустово ложе, и было бы досадно обнаружить списки перечисленных самостоятельных редакций среди списков редакций А, Б 1-го или 2-го видов.

При внимательном чтении предложенной «текстологии списков» обнаруживается, что в рамках одной редакции рассматриваются списки разных, что в одной группе объединены разные произведения Заразского цикла. Потому возникают большие сомнения в правильности того принципа, который был положен в основу этой самой классификации. Ведь если принцип, на котором базируются рассуждения, привел к тому, что одинаковыми характеристиками предмета оказались, например, такие как овальное, кислое, зеленое,

⁴⁷ См.: Лихачев Д. С. Повести о Николe Заразском. С. 273—274. Первым эту редакцию в качестве Особой выделил В. Л. Комарович. См.: Комарович В. Л. К литературной истории... С. 72.

⁴⁸ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 435.

⁴⁹ Там же. С. 434.

⁵⁰ Евсеева-Лобакова И. А. «Стрелецкая» (Псковская) редакция... С. 371—372.

стеклянное и ласковое, то вывод может быть лишь один — принцип ошибочен.

Очевидность такого умозаключения бесспорна. Однако для полноты картины обратимся все же к § 5 — «Источники Повести о Николе Зараском».⁵¹

Составив свою «текстологию списков» и «обладая более точными сведениями о редакциях А, Б1 и Б2», Б. М. Клосс решил «приступить к определению летописного источника, которым пользовался составитель Повести о Николе Зараском».⁵² На с. 436—440 автор ищет параллели из Софийской 1 летописи к двум начальным эпизодам «Сказания о перенесении Николина образа из Корсуня в Рязань» — сообщению о битве на реке Калке и известию о крещении Владимира. Б. М. Клосс не принимает во внимание компилятивный характер дошедшего до нас Сказания. Его текст открывается двумя подробными историческими уточнениями — времени (битва на Калке) и места (икона Николы Корсунского находилась близ церкви, где крестился князь Владимир), оформленными как летописные записи. Затем следует легендарное сказание о перенесении иконы корсунским священником Евстафием (связанное, по наблюдениям Д. С. Лихачева, с устной традицией), завершающееся словом «Аминь». Заключает Сказание топонимическая легенда, имеющая вид летописной записи, объясняющая название иконы Николы и самого города Зарайска, дублирующая эпизоды «Повести о разорении Рязани Батыем», в которых поведано о гибели Федора Юрьевича и самоубийстве его жены Евпраксии с сыном.⁵³ Таким образом, есть основания полагать, что при включении устной по происхождению легенды о перенесении иконы Николы в книжную традицию она была «подкреплена» историческими свидетельствами и оказалась в окружении «летописных» уточнений. Даже если не учитывать слабую сюжетную связь этих четырех указанных эпизодов Сказания, то в тексте научной работы принято приводить проверенные факты. По крайней мере, если сообщается, что в редакции А дата Калкского сражения — 6731 г., что позволяет связать ее с поздним летописанием, в частности, с Московским сводом 1479 г., то так и должно быть. Но дело обстоит несколько иначе: действительно, в Волоколамском списке редакции указана именно эта дата, но в Румянцевском, например, дата такая же, как и в Новгородской 1, — 6732. Что касается самой даты, то нет необходимости связывать ее непременно с Московским сводом 1479 г.: в Лаврентьевской летописи сообщение о битве на реке Калке идет также под 6731 г.

Не касаясь подробно рассуждений об особой связи эпизода о крещении князя Владимира в Сказании о перенесении иконы с Софийской 1 летописью, позволю себе лишь заметить, что полное от-

⁵¹ См.: *Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 436—456.*

⁵² Там же. С. 436.

⁵³ Дублировка эта возникла после (и в результате) включения в состав Зараского цикла, повествующего о чудесах от иконы Николы Корсунского, «Повести о разорении Рязани Батыем» — единственного произведения цикла, где никаких чудес нет.

существование такой связи было бы еще более странным: Софийская 1 в этом фрагменте повторяет текст Новгородской 1 (уже указанного источника Сказания) и Лаврентьевской летописей.⁵⁴

Хотя в § 1 Б. М. Клосс признавал, что «индивидуальные особенности» редакций Б 1-го и 2-го видов «явно вторичного свойства»,⁵⁵ но в § 5 оказывается, что с Московским сводом 1479 г. лучше сравнивать текст редакции Б 2-го вида, а потому целесообразнее признать первоначальной именно ее. Поэтому с летописным «источником» — Московским сводом 1479 г. сравнивается только эта редакция Повести. Такой подход вряд ли оправдан. Д. С. Лихачев, обозначив редакции как А и Б (общий протограф 1-го и 2-го видов), считал редакцию А старшей. Проведенный анализ принципов цитирования и ритмической организации текстов основных редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» подтвердил этот вывод Д. С. Лихачева.⁵⁶

Однако Б. М. Клосс создает иную концепцию. По мнению автора «Избранных трудов», в своих описаниях разгрома Рязани автор литературной Повести опирался на текст Московского свода 1479 г. В качестве доказательства им приведено текстологическое сопоставление двух памятников: редакции Б 2-го вида Повести о разорении Рязани и Московского свода 1479 г.⁵⁷ Как представляется, более корректно было бы сравнение Московского свода 1479 г. с чтениями всех старших редакций литературной Повести. С другой стороны, поскольку известно, что Московский свод опирался на тексты Новгородской 4 и Новгородской 1 (Карамзинской) летописей, куда сведения о разгроме Рязани попали из Новгородской 1⁵⁸ (упоминания о жене-чародейце, бывшей в татарском посольстве, о реке Онузе, на которой стояли татары, и др.), то возникает настоятельная необходимость ввести в сопоставительную таблицу также и текст Новгородской 1 летописи. Предлагаем сравнить близкие чтения основных редакций Повести о разорении Рязани с чтениями Новгородской 1 летописи и Московского свода 1479 г. (см. таблицу).

⁵⁴ Благодаря опубликованной таблице, составленной Г. М. Прохоровым и О. Л. Новиковой, это легко проверить. Таблица помещена в статье: *Прохоров Г. М. Материалы по частному анализу общерусских летописных сводов: (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 137—206.*

⁵⁵ *Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 415.*

⁵⁶ См.: *Лобакова И. А. Проблема соотношения старших редакций... С. 38—41.*

⁵⁷ *Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 440—441.* В ПСРЛ (М., 1949. Т. 25) по Уваровскому списку кон. XV—перв. пол. XVI в. издан Московский свод конца XV в., несколько изменивший текст своего протографа — гипотетического свода 1479 г. Эрмитажный список XVIII в. (РНБ, Эрмитажн. собр., № 416 б), как считал А. А. Шахматов, наиболее близкий архетипу, до сих пор не опубликован. См.: *Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 256—283; Лурье Я. С. Московский свод 1479 г. и его протограф // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 95—113.* В своей работе Б. М. Клосс приводит текст печатного издания, внося исправления по Эрмитажному списку.

⁵⁸ Напомним, что Д. С. Лихачев, сравнивший сведения о событиях 1237 г. в этой летописи и литературной Повести, пришел к выводу, что в основе двух памятников был общий источник — не дошедшая до нас Рязанская летопись.

	<p>3) И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Рязанский, что нѣсть ему помочи от великаго князя Георгыи Всеволодовича Владимировскаго, и вскоре посла по князю Всеволоду Ингоревича Муромскаго, и по сыну своего брата Юрьи Глѣба Ингоревича Коломенскаго, и по князю Всеволоду Пронскому, и по князю Всеволоду Муромскому, и по прочии князи местныя, и бояре, и воеводы (С. 308—309).</p>	<p>И услыша великий князь Юрьи Ингоревич приход безбожнаго царя Батя и вскоре посла по братио своему по князю Олга Краснаго, и по князю Давида Муромскаго, и князя Глеба Коломенскаго, и по князю Всеволода Пронскаго, и по прочии князи местныя (С. 329).</p>	<p>Такоже и преже сихъ отъя Господь у насъ силу, а недоумение, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в нас за грѣхы наша (С. 74).</p>	<p>Князи же рязаньстии Юрьи Ингварович, и брат его Олег, и муромские и пронские князи не пустячи их к городом (С. 126).</p>
<p>4) И весь град пожтоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и черносродник их киевское и черниговское поимаша. А храмы Божиа разориша, и во святых олтарех многи кровви пролиаша (С. 146).</p>	<p>И пожегоша весь град <...> и все узорочье нарочитое, богатство черниговское и киевское поимаша. И храмы Божиа разориша, а во святых алтарех многи кровви проляша (С. 313).</p>	<p>И пожтоша и все узорочие, богатство нарочитое резанское и сродник их черниговское и киевское поимаша. И храмы Божиа разориша, и въ святых олтарех много кровви пролиаша (С. 334).</p>	<p>[Описания взятия Рязани в летописи не содержится]</p>	<p>Монастыри и села пожтоша, а имение поимаша. Потом же пондоша на Коломну (С. 127).</p>
<p>5) Окаянный Батый и дохну огнем от м<e>рсакаго сердца своего и въскоре повелѣ Олга ножи на части раздро-</p>	<p>Окаянный же Батый дохну огнем от мерскаго сердца своего и повеле Олга ножи на части разлабити. Сий бо</p>	<p>Окаянный же Батый дѣхну огнем от мерскаго сердца своего, и огорчися, и вско-ре повеле Олга ножи на час-</p>	<p>[Сведений об убийстве Романа Олегавича Рязанского в 1270 г. не содержится]</p>	<p>То же лѣта убиен бысть Роман Олгович Рязанскы от поганых татар и бысть сиче убение его. Заткоша уста</p>

Ред. А	Сий бо есть второй страстоположник Стефан, прия венець своего страда- ния от всемилостиваго Бо- га и испи чашу смертную своюю братюю ровно (С. 144).	Ред. Б 1 есть мученик Христов, прия венець своего изпове- дания и мучения со сродни- ком своим блаженным кня- зем Феодором Юрьевичем и прияша венца нетленная от всемилостиваго Бога (С. 312—313).	Ред. Б 2 ти раздробити. Сий бо есть мученик Христов, прия ве- нец своего исповедания и мучения с сродником сво- им блаженным князем Фео- дором Юрьевичем, и при- аша венца нетленные от всемилостиваго Бога (С. 332—333).	НІЛ	Моск. свод 1479 г. его убрисом, и начаша реза- ти его по составом, и мета- ти разнo, и яко разоимаша его, остася трупь единый, они же одравше главу ему взоткоша на копие. Се бысть новый мученик <...> и венець прият от руки Гос- подня со сродником своим князем Михаилом Черни- говским (С. 150).
--------	--	--	--	-----	--

Сразу оговорим, что приведенные Б. М. Клоссом фрагменты более значительны по объему. В их число им включено сообщение о приходе Батыя и повествование о разгроме Рязани (упоминания подвергшегося разгрому Пронска, даты падения города, о множестве убитых), но все они целиком летописного происхождения.⁵⁹ Более того, в свою таблицу, где сопоставлены описания взятия Рязани в редакции Б 2-го вида и Московского свода 1479 г., московский историк включил два фрагмента из повествования о других событиях: о взятии города Владимира в 1238 г. и о взятии Москвы Тохтамышем в 1382 г.⁶⁰

Вернемся к нашей таблице. В первой позиции читается сообщение о послых и их требовании десятины во всем. В редакции А о конях не упоминается вовсе, зато подчеркивается более тяжкое требование: «и во всяких людех», которого нет в редакциях Б обоих видов. Упоминание о требовании Батыем десятины содержится и в Новгородской 1 летописи (далее — Н1Л): «десятины во всем: и в людех, и в конех, и во всяком», а в Новгородской 1 Карамзинской (далее — Н1К) читается такая же подробная «роспись» этих самых коней: «10-е в бѣлых, 10-е в вороних, 10-е в бурых, 10-е в рыжих, 10-е в пѣгих»,⁶¹ что и в Московском своде 1479 г. Потому говорить о непосредственной связи двух памятников — Повести о разорении Рязани и Московского свода 1479 г. — причин нет.

В позиции 2 в предложенной таблице сравниваются фрагменты текста, сообщающие об обращении за помощью к князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому. В старших редакциях Повести об этом обращении говорится одинаково: «прося помощи у него на безбожнаго царя Батыя, или бы сам пошел». В Московском своде 1479 г. просьба о помощи имеет несколько иной вид: «просяще себе помощи или бы и сам пошел». Отказ помочь рязанцам владимирского князя в редакции А передан очень лаконично: «Князь великий Георгий Всеволодович Владимирской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о себе сам сотворити брань з Батыем». В данном случае обнаруживается привычное для создателя редакции А стремление к ритмизации («сам не пошел и на помощь не послал»). В редакциях Б добавлено: «не послуша совета резанского» (Б 1-го вида) или «не послуша совета князей рязанских» (Б 2-го вида). В летописных памятниках вместо слова «совета» читаем «мольбы» (и в Н1Л, и в Н1К, и в Московском летописном своде 1479 г.). Далее в редакции А Повести о разорении Рязани читается фрагмент № 3 нашей таблицы. В редакциях Б после сообщения об отказе помочь владимирского князя обнаруживается отсылка к библейскому тексту (подобное

⁵⁹ См.: Лихачев Д. С. К истории сложения «Повести...». С. 49—51.

⁶⁰ Приведенный Б. М. Клоссом в его таблице на с. 441 эпизод, рассказывающий о гибели Юрьевой княгини с детьми и снохами в церкви Богородицы, относится к повествованию о взятии не Рязани, а Владимира в Московском своде и в Н1К (С. 113). Таким образом, в Московском своде 1479 г. так было описано другое событие: речь шла о другом городе и о другой Юрьевой княгине.

⁶¹ ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42. С. 112.

чтение в Б 1-го вида приведено в краткой форме, 2-го вида — более пространной). Сразу оговорим, что процитированного в летописных сводах (НІЛ, Софийской 1 летописи⁶²) обращения Бога к Иисусу Навину: «Тогда, — рече, — азъ послю на ня преже васъ недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепеть» в книге Иисуса Навина нет. Наиболее близким источником приведенной реминисценции являются слова Моисея: «Господь наведет страх и трепет преже вас на всякую землю» (Втор. 11:25). В редакции А основной после плача Ингваря Ингоревича читаем: «Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез и въздыхания, и страха и трепета от всѣх злых, находящих на ны» (с. 152). Слова «туга», «скорбь», «слезы», «въздыхание» по отдельности встречаются во многих библейских текстах (Псалтырь, книга Иова, книга Иудифь, книги Царств, плач Исаяи и др.). В «Повести о разорении Рязани Батыем» в редакции А впервые указанные слова объединены в единый ряд по аналогии с сочетанием «страх и трепет», образуя ритмически организованную конструкцию. Только в редакции А нет слова «недоумѣние», которое обнаруживается в обоих видах редакции Б и летописных памятниках. Предваряющая библейскую реминисценцию часть: «Но противу гневу Божию хто постоит...»,⁶³ читающаяся в редакции Б 1-го вида, почти дословно совпадает со словами «Да противу гнѣву Божию хто постоит?» в редакции А основной, которыми завершаются описание битвы рязанских князей с Батыем и страха последнего перед рязанцами. В редакции Б 2-го вида начальная часть фразы ближе к тем, что читаются в летописных памятниках: «Но уже бяше гневу Божию хто противится?». Завершается этот фрагмент текста в обоих видах редакции Б почти одинаково: «Сия вся наиде грех ради наших» (Б 1) или «Сия вся Бог наведе грех ради наших» (Б 2). Этот вид имеет и завершение библейской реминисценции в Московском своде 1479 г. Как показывает сопоставительная таблица, Московский свод опирался в данном эпизоде на текст НІЛ (в НІК отсылки к тексту Священного Писания не содержится). Несколько сократив текст источника, составитель Московского свода сохранил завершавшую данный фрагмент фразу: «вложи в нас за грехи наша» — «наведе на ны за грехи наша». Однако далее читаем: «Сия вся наведе Бог на ны грех ради наших», т. е. заключение редакции Б обоих видов. Эта дублировка, отмеченная в таблице курсивом, на наш взгляд, свидетельствует о компилятивном характере работы создателя Московского свода 1479 г.: цитата была перенесена в сокращенном виде в существовавший текст, близкий к Повести о разорении Рязани, а дублировка эту границу зафиксировала.

В пункте № 3 приведены чтения, которые подтверждают известную зависимость Московского свода от летописной традиции (почти дословное совпадение с НІЛ, с НІК и с Софийской 1) и никоим образом не убеждают в том, что «Повесть о разорении Рязани Батыем» написана на основе Московского свода.

⁶² См.: ПСРЛ. Л., 1925. Т 5, вып. 1. С. 211—212.

⁶³ Ср.: «Кто может стояти противу мне» (Иер. 1:13).

В четвертом сопоставляемом фрагменте (см.: таблица, № 4) во всех основных редакциях Повести сообщается о том, что татарами было расхищено «узорочье нарочитое» (т. е. драгоценные изделия златокузнечного мастерства), а также «богатство резанское и сродник их киевское и черниговское» (в редакции А). В редакции Б 1-го вида выпущены слова: «резанское и сродник их»; в редакции Б 2-го вида утрачены слова: «весь град» и имеются разночтения в порядке слов во фразе: «узорочье, богатство нарочитое рязанское». Необходимо отметить, что упоминание о связях Рязани с Киевом и Черниговом имеет под собой реальные основания. Хотя сведений о генеалогических связях рязанского княжеского дома немного, но известно, что Роман Глебович Рязанский был женат на дочери Святослава Всеволодовича Черниговского (героя «Слова о полку Игореве»), а его брат Ярослав Глебович — на дочери Рюрика Ростиславича Киевского. Связи эти подтверждаются и археологическими материалами, касающимися именно «узорочья»: «В старой Рязани в составе клада 1868 г. найдены тонкие тисненные бляшки, оттиснутые на одном штампе с бляшками из Киевского княжества (Князья Гора) и из клада близ Чернигова (Святое озеро). Кроме того, там же есть серебряные тисненные колты с чернью, близкие к работе черниговских мастеров и представляющие единичную находку в рязанских древностях».⁶⁴ Известие о связях Рязани с Киевом и Черниговом содержат все три основные редакции Повести. Разумеется, не настаивая на решающем датирующем значении данного упоминания, отметим лишь, что чрезвычайно сложно было бы объяснить как сам факт появления подобного точного свидетельства в XVI в., к которому Б. М. Клосс склонен отнести создание «Повести о разорении Рязани Батыем», так и причину интереса к уже забытым в то время связям Рязани с Киевом и Черниговом при столь малом количестве летописных сведений о Рязани домонгольского периода. Возвращаясь к сопоставительной таблице, обратим внимание, что в летописях (начиная с Лаврентьевской) кратко говорится о захваченном в Рязани «имѣнии» и о дальнейшем движении татар на Колому. Однако в сравнительной таблице Б. М. Клосса текст Московского свода 1479 г. продолжен фрагментом из повествования о разгроме Москвы Тохтамышем, что, на наш взгляд, не вполне корректно.

Рассказ о мученической смерти князя Олега Красного в литературной Повести очень краток (см. № 5 таблицы). В редакции А основной он сравнивается с первым христианским мучеником — Стефаном (ибо, по сюжету произведения, первым из русских князей умирает за веру) и сказано, что он «испи чашу смертную своею братею ровно». В редакции Б обоих видов образа единой для всех смертной чаши уже нет, а сам Олег назван просто мучеником Христовым и оказывается в одном ряду с князем Федором, смерть которого не была непосредственно связана с защитой христианской веры. Исторический Олег, попавший в плен, как известно, не был

⁶⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 453.

убит Батыем, был убит его брат Роман Ингоревич. В Лаврентьевской летописи сообщается, что рязанский князь вместе с Всеволодом Георгиевичем (сыном владимирского князя) и воеводой Еремеем Глебовичем встретил татар у Коломны и погиб. Это дает основание полагать, что именно он привез во Владимир просьбу о помощи рязанских князей. В Н1Л старшего и младшего изводов читается иное изложение событий: «князь же Юрьи Инъгоровичъ затворися въ граде с людьми; а князь Романъ Инъгоровичъ ста битися противу ихъ съ своими людьми...».⁶⁵ Таким образом, согласно Н1Л, один из рязанских князей все-таки выступил навстречу татарам (т. е. Роман, согласно тексту Н1Л, сделал то, что в Повести о разорении Рязани сделали все рязанские князья). Тем не менее по летописным источникам известно, что он погиб от руки татар. Об обстоятельствах смерти князя Романа летописных сведений не сохранилось. Зато известно о мучительной гибели от руки татар в 1270 г. другого Романа — Романа Олеговича Рязанского. В Н1Л и Софийской 1 нет рассказа об этой смерти, но в Н1К читаем сообщение, почти дословно совпадающее с известием Московского свода: «В лѣто 6778. Убьен бысть князь Роман Олгович Резанский от поганых татар июля 19. Бысть сице убиение его. Заткаша уста его убрусомъ, и начаша рѣзати по съставомъ и метати разное, и яко разоимаша, остася труп единый. Они же одраша главу его и на копие взоткнуша. И сеи новии мученикъ бысть, подобень страстию Иакову Прьскому».⁶⁶

Таким образом, предложенная нами сопоставительная таблица всех трех старших редакций Повести о разорении Рязани с Н1Л и Московским сводом 1479 г. не дала никаких фактов, подтверждающих концепцию Б. М. Клосса. Безусловно, Московский свод не является источником литературной Повести в части, рассказывающей о взятии Рязани татарами в 1237 г. Более того, имеющаяся в тексте дублировка (см. № 2 таблицы) скорее убеждает в том, что текст редакции Б 2-го вида повлиял на рассказ о взятии Рязани в Московском своде 1479 г.

Проблема соотношения «Повести о разорении Рязани Батыем» (всех трех основных видов) со Словом о житии и преставлении князя Дмитрия Ивановича и Повестью о нашествии Тохтамыша рассмотрена в специальной работе,⁶⁷ основные выводы которой подтверждают уже сделанные: создатель Московского свода 1479 г. испытал влияние «Повести о разорении Рязани Батыем».

Таким образом, материалы § 5 в работе Б. М. Клосса свидетельствуют более всего о стремлении автора «Избранных трудов», как и в других его штудиях, создать новую концепцию, не слишком счи-

⁶⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 74—75. В летописи младшего извода фрагмент совпадает дословно с версией старшего (С. 286).

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 42. С. 120.

⁶⁷ Лобакова И. А. К полемике о соотношении «Повести о разорении Рязани Батыем» со Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и Повестью о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. СПб., 2005. Т. 57 (в печати).

таясь с фактами. Так, «поновляя» Повесть о разорении Рязани, он совершает открытие зависимости текста редакции Б 2-го вида от изложения событий разгрома столицы Рязанского княжества в Московском своде 1479 г. Однако подтверждается еще раз лишь близость чтений Московского свода 1479 г. с его летописными источниками — НІЛ и НІК. Что касается скомпонованных им «рязанских» эпизодов, где читаются фрагменты из повествования о взятии городов Владимира и Москвы, то они, безусловно, не могут рассматриваться в качестве доказательств.

В заключение хотелось бы заметить, что при самых разных взглядах на литературу Древней Руси, при всем желании внести нечто новое в изучение наиболее известных памятников нельзя нарушать элементарные научные принципы: нельзя к своей оригинальной концепции подгонять факты, нельзя не учитывать всех фактов, нельзя цитировать так, как выгодно автору. В противном случае медиэвистика, к сожалению, перестает быть наукой.